

«ВЕНЗЕЛЯ ВЫДЕЛЫВАЕТ МОЯ МЫСЛЬ...»

КНИГУ Г. Д. Гачева «Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр» (редактор В. А. Недзвецкий) издательство «Просвещение» рекомендует учителям, студентам и преподавателям, интересующимся искусством». Определена и причина такой рекомендации: консерватизм практики преподавания, в которой, по словам авторов предисловия, «обычно резко разграничивается анализ идейный и анализ «художественный». Не будем опровергать эти недобрые слова, высказанные в адрес педагогической интеллигенции: всякий, кто сколько-либо знаком с современным педагогическим процессом, воспримет их лишь как отзвук отгремевших споров о литературе в школе, как традиционный упрек, не соответствующий истинному положению дел. Важнее другое — какой материал предлагает издательство читателю как демонстрацию «психологии мыслительного творчества», способную научить его мыслить.

Стремясь дать читателю понятие об эпосе, лирике, драме, Г. Гачев совершает экскурсы в историю искусства, излагая при этом элементарные положения теории литературы. Читатель, интересующийся искусством, узнает, например, что «литература по этимологии своей есть письменность (от латинского *littera* — «буква»), что существуют такие литературные формы, как эпос, лирика, драма и т. д.

Понимая, что набор подобных трюизмов не создаст впечатления «концептуальности», подлинной оригинальности, автор стремится излагать их столь «самобитно» в стилистическом отношении, что порою недоумеваешь, пораженный тем или иным словосочетанием. Например, надо сказать о действительной природе театра? Пожалуй: «Драма, театр — действие жизни, но не по неисповедимости текущее, а овладевающее людьми. Потому столь строго блюдет в веках и тысячелетиях статут драмы — как статус-кво человечества. Ведь потрясение основ здесь есть ввержение сознания в хаос, утрата ориентиров, за которые цепляться, и люди затычутся, как слепые кутята, спотыкаясь и задираясь о заусеницы бытия». Хотите услышать об актере как художнике? Послушайте, как фривольно это звучит: «Актер — не тварь лишь, но и творец».

Что это: произвольный набор слов, бессмыслица? Будем справедливы. За цепью буйных ассоциаций, лихих словосочетаний и авторских «видений» проглядывает вполне определенный смысл. Порой — фрейдистский: желание найти «психоаналитическое» истолкование математических обозначений («символика-то чисел 1:0 исполнена Эроса, представляет мужское и женское начала бытия, и этим воздействует на нас зритель-

но»). Порою же — откровенно мещанский. Вот, например, какие кошмары возникают в голове автора при встрече с обычным, бесхитрым словом «вскрывает», которое употребил секретарь одного из райкомов партии г. Челябинска в своем ответе газете «Известия». Секретарь написал, что газета «правильно вскрывает недостатки в работе райкома». Г. Гачев увидел в слове «вскрывает» нечто апокалипсическое: «Я почему-то на нем (то есть на слове «вскрывает»). — В. Р.) застрял. И сразу от него ползли картины: вскрытие (трупа, опухоли) надрез, заглядывание внутрь, утроба, «кесарево сечение» и т. д. И вот перед вами гигантская вспученная утроба-опухоль, вроде утроб раблезианских гигантов. Для современного колорита она обложена железобетонным панцирем. Утробе можно придать квадратную форму завода, а трубу вытянуть фаллом. Ножом-статьей в утробе сделан надрез, и через это отверстие можно видеть нутро. В нем тихо-мирно гнездятся недостатки-пенечки: поклевывают себе государственные денежки, имущество и прочее. Одни недостатки, более наивные, сразу выпархивают из надреза; другие, более хитрые, прятуются в складках утробы, чтобы не попасться на глаза, и т. д. и т. д.». Уж доподлинно: «какие вензеля... выделяет моя мысль».

Между тем издательство (директор И. М. Терехов) рекомендует книгу как этапное творение, способствующее преодолению метафизики и догматизма. Не знаю, как насчет метафизики, но выверенные временем исторические традиции научной марксистской мысли Г. Д. Гачев действительно «преодолевают». Сообщая сведения об эпосе, трагедии, драме, конфликте, характере и т. д., он скрупулезно перелагает довольно спорные мысли М. Бахтина, А. Горнфельда и других авторов, ни единым словом не упоминая о классических положениях Маркса и Энгельса. Нужно ли доказывать, какое общеметодологическое значение имеют идеи Маркса и Энгельса для анализа как раз тех проблем, которые избрал объектом своего интереса Г. Гачев. Это значение отлично выявлено во множестве фундаментальных трудов ученых-марксистов, получивших мировое признание. Но и они по странному стечению обстоятельств остались вне поля зрения автора. И иное дело — представители «формальной школы» в литературоведении, о которых Г. Гачев говорит как о «так называвшихся «русских формалистах». Их ошибочные и убедительно раскритикованные положения выдаются в книге довольно шумно за «новый этап развития» эстетической науки.

Повторяя зады формализма о форме как «миросозерцании», он рассматривает ее движение, становление в отрыве от конкретно-исторического процесса, от той жиз-

ненной основы, которая только и дает ей реальное художественное содержание. Завороженный нормативами, им самим изобретенными как «незыблемые законы жанра», Г. Гачев оказывается вполне беспомощным перед лицом многообразных фактов из практики современного искусства. С каким удивлением, наверно, прочитают наши писатели следующее правило из этой «новой поэтики»: «Сегодня для литературно-художественного сочинения считается подобающим, напротив, большая обобщенность, неопределенность имен и ситуаций». Ибо «в безлично-казенных состояниях мира предпочитают имена конкретных личностей не упоминать». Простите, кем «считается»? Ведь на практике мы видим иное — поразительную определенность, т. е. историческую конкретность произведений советских писателей, верных принципам реалистического постижения характеров и обстоятельств. Об этом автор отлично осведомлен. Не случайно же он не взял ни одного сколь-либо значительного произведения искусства социалистического реализма для подкрепления своей догмы, ибо это сразу же выявило бы всю вымученность предложенной конструкции.

Конечно, не только при помощи словесных вывертов и реставрации формалистических идей пытается автор создать иллюзию «концептуальности» книги, ее теоретической значительности. Шутка ли, труд этот представлен как «поисковый» по своему характеру. Что же ищет автор? Какая идейная сверхзадача волнует его? Разумеется, он настолько образован, чтобы понимать, что ныне трудно (если не невозможно) оставаться в пределах формальных изысканий, вступая на бурную почву эстетики, науки, где разворачиваются острейшие идеологические битвы. Включается в эти бои и автор. Но так, что его принципиальные высказывания не могут не вызвать самого резкого возражения. Обратимся лишь к некоторым из них, памятуя, что в идеологическом споре фигура умолчания не может быть признана уместной. А спорить с Г. Гачевым необходимо, ибо он настойчиво пытается дать право гражданства некоторым субъективистским идеям, чуждым марксистско-ленинской эстетике.

Одна из таких идей — метафизическое противопоставление «народа вообще» — «государству вообще», без какой бы то ни было попытки по-марксистски проанализировать эти категории, показать их конкретное социальное содержание, исторический характер их взаимосвязи. Такое противопоставление автору необходимо, ибо специфической ситуацией исследуемой им эпохи он считает (без уточнений) «стык народной жизни и государственного общежития».

С этих позиций он, например, вольно или невольно истолковывает «Тихий Дон» Михаила Шолохова, так, как это делают наши недоброжелатели, утверждающие, будто социалистическая революция была для народа России чем-то «неорганичным», привнесенным извне «политиками». По утверждению Гачева, в «Тихом Доне» дана всемирно-историческая трагедия патриархального сознания «политически незрелого народа, не разбирающегося в общественных точках зрения и становящегося поэтому игрушкой перебрасывающих его государственно-исторических сил». И это говорится о народе, сознательно со-

вершившем одну из величайших в истории человечества революций.

Рассуждая над проблемами жанра эпохи, автор выходит далеко за рамки эстетических категорий. По Гачеву получается, что для развития эпохи необходимы социальные потрясения, «нужна война»: «Тогда государство идет на поклон, обращаясь с воззванием к народу, и называет своих членов уже не «гражданами» и не «подданными», а «дорогие соотечественники», «братья и сестры», «друзья», т. е. применяет понятия из обихода естественного, патриархального общежития». Не стоит играть в прятки: перед нами откровенное глумление над словами, с которыми партия и правительство обратились к народу в первые дни войны и которые нашли патриотический отклик в сердцах поколений победителей фашизма!

Игра понятиями безотносительно к их классовому, политическому смыслу в той или иной конкретной исторической ситуации подводит Г. Гачева к ошибочным выводам о соотношении литературы и государства. Как известно, ревизионисты сегодня упорно и монотонно пропагандируют идею об извечной оппозиционности искусства — власти. Они «не замечают» принципиального изменения этого отношения в тех социальных условиях, когда власть впервые в истории стала принадлежать народу. «Не замечает» этого и Г. Гачев, который пишет: «...Сращение литературы со всем знанием и властью может быть неблагоприятно для развития и того и другой. Художественная литература не должна совпадать с ними, ибо, только освободившись от претензии на официальность и оккупировав себе вольную сферу вымысла, она остается послем народного мирозерцания в надстройке официальной государственной культуры». Ну, а как быть с той исторической эпохой, в которую мы живем, когда такая «надстройка» народна по самой своей сути, а писатель сознательно, целеустремленно, по велению сердца, служит ей и тем самым — народу? Но, быть может, Г. Гачев где-либо конкретизирует свои выводы применительно к определенному «состоянию мира»? Отнюдь! Он как раз стремится придать им такую абстрактную всеобщность, в которой растворяются все социально-исторические различия. Так появляются еще более лихие афоризмы «на все времена». Например: «Театр — веселое издательство людей, ставших на время богами, над всеми своими мерами, ценами, значениями». Попробуйте, примите это высказывание со всей традицией нашего театра, утверждающего — и притом вполне серьезно — все наши ценности! Не выйдет! И опять-таки автор предпочитает спрятаться в сфере звонких всеобщностей, стыдливо обходя всю практику театра социалистического реализма.

Книга Г. Гачева мне представляется поучительной в одном отношении. Она еще раз демонстрирует теоретическую бесплодность нигилизма по отношению к данным, добытым марксистско-ленинской эстетикой, всей системой наук об искусстве. Но едва ли во имя такой «демонстрации» бесперспективности субъективизма в науке стоит тратить дорогой лимит издательства «Просвещение».

В. РАЗУМНЫЙ,
профессор.